

ДЕТЕКТИВ & ЗАГАДКА

Читайте детективы-загадки Наталии Андреевой

Эра Стрельца
Ничего личного
Комната с видом на огни
Девять дней до весны
Соло для пистолета с оркестром
Эскорт
Кен
Автора!
Любовь и смерть всегда вдвоем
Любовь и смерть в прямом
эфире
Любовь и ирония судьбы
Я садовником родился
Накануне солнечного затмения
Стикс
Шутка
Фобия
Поговори со своей тенью
Черное белое
Все оттенки красного
Ловушка для падающей звезды
Сезон дикой охоты
Грозы медового месяца
Муж за алиби
Дети Белой Богини
Гробница Наполеона
Принц Эдип
Пробка
Островитяне
Вид на жительство в раю
Любовь и смерть в толпе

Раб лампы
Черная кошка в темной комнате
Наследник империи,
или Выдержка
Кара небесная, или Стикс-2
Парижская тайна,
или Истина в вине
Сто солнц в капле света
Сто солнц-2.
Влюблённые безумны
Попробуйте позвонить позднее...
512 килобайт долларов
Метель
Утро ночи любви
Проигравшему достаётся жизнь
Достаточно одной таблетки
Огненная лилия
Я стану тобой
Три ступеньки в небо
Нить Ариадны
Обмани меня нежно
Пристрелите нас, пожалуйста!
Райский уголок для смерти
Любовь и смерть
в социальных сетях
Фобия
Альфа-женщина
Правая рука смерти
Нагадали мне суженого
Москва не принимает

Наталья Андреева

Королевы умирают стоя,
или Комната с видом на огни

Москва 2013
ЭКСМО

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 65

Оформление серии *С. Киселевой*

Андреева Н. В.

А 65 Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни : роман / Наталья Андреева. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Детектив-загадка. Романы Н. Андреевой).

ISBN 978-5-699-64868-9

Сотрудница турагентства Анна Австрийская, несмотря на фамилию, вовсе не чувствует себя королевой. Ее жизнь рушится: хозяева фирмы выгнали с работы по навету, любимый муж, узнав, что она осталась без денег, сбежал, лучшая подруга предала. В отчаянии Анна решает покончить с собой, оставив на столе предсмертную записку с перечнем своих врагов. Ее спасает сын, вернувшийся из школы раньше времени. Все приходится начать с нуля, но тут вдруг Анне улыбается Фортуна. Австрийская случайно знакомится с крупным бизнесменом Владимиром Ленским, который предлагает стать его любовницей. У Анны появляются большие деньги, а вскоре ее враги, один за другим, начинают умирать. В окружении Анны хватает людей с темным прошлым. Ни обеспеченная жизнь, ни карьера певицы не принесли ей счастья. Австрийская одержима жаждой мести. И кто-то из близких ей людей, поняв, чего именно хочет Анна, берет на себя роль Мессии...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-64868-9

© Андреева Н.В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2013

Пролог

Первое, что Анна подумала, глядя из окна пятнадцатого этажа на расцарапанный железными лопатами дворников заснеженный тротуар и ряд автобусных остановок, было: «Господи, до чего же там хорошо! Хорошо и спокойно. Вот оно — счастье: свалиться вниз, пережить краткий миг полета, и потом долгожданное освобождение от всех проблем. Там покой, примирение со всем, что случилось, конец боли. Я туда хочу».

Анна попыталась повернуть испачканную белой краской ручку и открыть окно, но рама не поддавалась ее слабым рукам. Засохшие шпингалеты никак не хотели повернуться в своих пазах и выпустить ее на свободу. Она долго, ломая ногти, рвала на себя грязную ручку и плакала, плакала, плакала...

«Я просто боюсь. Мне страшно: а вдруг это больно? Говорят, что при падении с такой высоты все произойдет мгновенно, но из тех, кто это попробовал, ни один ведь уже не сможет подтвердить, больно или не больно. Господи, о чем я думаю?! Да какая мне разница?!»

Она отошла от окна. Прошлась несколько раз по кухне, бессмысленно хватаясь то за чайник, то за полотенце, переключаясь с места на место вещи и кроша ножом какую-то еду. Хотя есть ей давно уже не хотелось.

«Куда теперь? Искать новую работу? Нового мужчину? Чтобы потом опять остаться брошенной, никому не нужной, чтобы вновь разочаровываться и проклинать сам момент своего рождения? Я не просила меня рожать: зачем люди производят на муки себе подобных, какое они имеют на это право? Мне противна сама мысль о завтрашнем дне. О том, что солнце снова взойдет, что придется встать с постели. А что дальше? Нет, думать обо всем этом просто невыносимо! Обязательно надо чем-нибудь заняться. Но чем? Есть не хочется. Есть нужно, чтобы жить, а жить не хочется. Телевизор включить? Там тоже люди, которые делают вид, что желают всем добра, а сами только и думают, как бы тоже кого-нибудь слопать, стрескать, сожрать... А если попробовать? Я всего лишь попробую, вдруг это не так уж и страшно? Пойти, взять ручку, бумагу, написать: «Прошу винить в моей смерти...» Может, не надо никого винить? Нет, надо! Пусть знают!»

Анна нашла ручку в письменном столе, вырвала из школьной тетрадки сына листок в клетку, зачем-то взяла ножницы и по привычке подрезала неровный край, проверила, хорошо ли пишет стержень. Потом аккуратно вывела:

«В моей смерти прошу винить:

Моего мужа Ивана Панкова,

Моего друга детства Андрея Юсупова,

Его жену Светлану Юсупову,

Мою лучшую подругу Ольгу Калининскую.

Они убили меня! Если можно наказать их за это, своей последней волей заклиная: сделайте это кто-нибудь! Сделайте!»

«Вот и все. Написала. Пусть будет красиво. А вдруг по телевизору покажут? Было бы здорово в вечернем выпуске новостей показать репортаж о том, как молодая красивая женщина свела счеты с жизнью. Все будут меня жалеть, и *они* тоже увидят... Господи, подпись-то забыла! Как же, не поставить внизу свою королевскую фамилию! Сколько слез

из-за нее пролито, но теперь даже на это наплевать», — и она размашисто расписалась внизу листа:

«Анна Австрийская, двадцатое марта».

Положила листок на стол, еще немного походила по комнате. Как все вокруг изменилось! Костюм, о котором она столько мечтала, дорогой, цвета шампанского, валяется на полу ненужной тряпкой, любимая ваза, которую прежде два раза в неделю аккуратно протирала тряпочкой, громоздится на столе бесполезным куском стекла, любимые книги пылятся на полке, и она твердо знает, что никогда больше их не откроет.

Анна долго кружила по комнате. Записка готова, надо действовать. Уговаривать себя, убеждать в том, что покончить со всем этим сегодня же, сейчас, — это единственно правильное решение.

«И так отныне будет всегда: просыпаться с отвратительным чувством, что все люди сволочи, что жить незачем, ведь ты никому не нужна. Как страшно! Весна на улице. Зачем весна? Земля немного оттаяла, могилу легче копать. Интересно, на похороны они все придут? Плакать будут. Оправдываться. Потом Иван станет приходить на мою могилу и жалеть, жалеть, жалеть...»

Тут Анне самой стало до того себя жалко, что она заплакала. Плача, подошла к шкафу, где лежали мамины лекарства, порылась в коробке.

«Чем тут можно отравиться? Анальгин, но-шпа, активированный уголь, димедрол. Наверное, димедрол подойдет. Что-то я об этом слышала. Хорошо, что его здесь много!»

Анна стала надрывать упаковку за упаковкой и по одной вынимать маленькие белые таблетки. Складывать их в кучку. Они выглядели не так страшно, как тротуар из окна пятнадцатого этажа. Анна постояла немного возле этой кучки, потом принесла из кухни стакан воды.

«В конце концов, я просто засну. Спать! Как это здорово! Спать! Да, я хочу спать...»

Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни

8 Она горстями стала глотать таблетки, прихлебывая теплую противную воду. Потом поправила записку на столе, чтобы лежала ровно и сразу бросалась в глаза, легла на кровать, накрылась пледом и стала ждать. Постепенно ее затошнило, потом затрясло. Не так-то это оказалось просто: заснуть. Ей было не по себе. Боль все-таки пришла.

— Помогите! — прохрипела она. — Mamочка, мне страшно!

Ничего не изменилось. Начал наваливаться сон, тяжелый, болезненный, липкий. Анна уже поняла, что умирать очень больно, еще больнее, чем жить, и последнее, что она услышала, это как хлопнула входная дверь...

Глава 1

Болезнь

—Дыши! Дыши! Дыши!

Анна приоткрыла глаза, почувствовала резкую боль и тут же поспешила закрыть их снова. Ее пытались удушить, прижимая что-то плотную к лицу.

— Дыши! — снова резанул слух визгливый женский голос.

Она закашлялась, отпихнула рукой маску, шланг от которой тянулся к аппарату, подающему кислород, и окончательно открыла глаза.

— Господи, девочка, ну, ты нас и напугала!

Первое, что вернулось к Анне, была боль.

— Очнулась? Что ж ты, а? Живешь, дышишь? — Над ней склонилось чье-то лицо, наполовину закрытое белой марлевой повязкой.

— Не хочу... — с трудом прохрипела Анна.

— Что?

— Не хочу жить...

— А я думала, что тебе уже хватит. После такого промывания желудка у людей пропадает охота травиться. Ах ты, дурочка, дурочка.

— Там хорошо... — снова чуть пошевелила губами Анна. — В темноте...

— Светлана Степановна, да ее уже в палату можно переводить из реанимации! А когда очухается — в психиатричку. Пусть там разбираются, а то еще чего доброго она из окна сиганет, — недовольно поджала губы молоденькая медсестра.

— Девочка, ты держись. Не будешь больше делать глупости? — спросила та, кого называли Светланой Степановной.

Анна отвернулась к стене. Медсестра зло сказала:

— Да будет. Не видите, что ли? Упрямая какая!

— Ты, Юля, помолчи. Ну, заколют ее аминазином, и конец всему. Надо проследить, чтобы девочка опять не сорвалась.

— Да что я ее одну должна караулить, что ли?! На мне целое отделение за копеечную зарплату! Сколько народу лежит, старушки почти не ходячие, а я с этой дурой молодой буду нянчиться! И она к тому ж ненормальная!

— Помолчи! Другие здесь затем, чтоб выжить, они и сами о себе позаботятся, а эта сама себе не поможет. Не видишь, что ли, — она умирать сюда пришла. Давай на каталку ее и в палату. И не отходи ни на шаг.

— В какую ее? В десятую, к молодым?

— Нет, туда, где две бабульки лежат. Там есть одна ходячая, бойкая, она и приглядит.

— И все-таки лучше бы ее к психам отправить, — пробубнила Юля, направляясь за транспортировочным средством и санитаркой.

Пока Анну везли по длинному белому коридору, она пыталась вспомнить только одно: что это значит — жить? Как она раньше жила? Но эти воспоминания не вызывали ничего, кроме отвращения, как и люди, трогавшие ее. В маленькой палате стояли четыре койки, две из них были застелены, на обеих занятых тумбочках в беспорядке перемешались стеклянные банки, пузырьки с лекарствами, таблетки, чайные ложки, бинты... Пахло старостью и болезнью. Когда Анну переложили на кровать, Юля поправила на ней одеяло, брезгливо проронила:

— Смотри у меня. Не вздумай чего-нибудь с собой сделать, мне Светлана Степановна наказала. Сейчас бабульки

с обеда придут, я им велю присмотреть. Возни-то с тобой сколько! Подумаешь, королева! Анна Австрийская!

Медсестра еще раз презрительно фыркнула и ушла. Анна обессиленно прикрыла глаза. Ох уж это злополучное имя!

Все ее несчастья начались с отца. Он был чрезвычайно упрям, этот помешанный на своей мнимой гениальности художник с непонятно откуда взявшейся фамилией Австрийский. «Александр Австрийский», — расписывался он размашисто под своими странными картинами. Женился он поздно, но уже задолго до этого страстно мечтал о ребенке. Не о мальчике, как многие мужчины, а о девочке. И во что бы то ни стало хотел назвать ее Анной, хотя многие говорили, что не стоит казаться смешным. Быть Анной Австрийской — это еще не значит принадлежать к королевской династии. Но в семье Австрийских ждали принцессу, и после долгих лет бесплодного ожидания судьба наконец сжалась над стареющим художником. Ребенок появился, и оказалась это долгожданная девочка.

Отец был счастлив несказанно, и вскоре после выписки из роддома в одном из московских загсов девочку записали как Австрийскую Анну Александровну. Толстая тетка в мохеровой кофте, поклонница Дюма, широко улыбнулась родителям и пошутила: «Поздравляю с новорожденной принцессой! Осталось только найти для нее короля!»

Детство Анны было отравлено злополучной фамилией: над ней смеялись все — и взрослые и дети. Отец занимался только тем, что писал никому не понятные и неприятные картины и тщетно пытался доказать окружающим, что картины эти гениальны. Увидев же Анну, улыбался грустно:

— А, принцесса!

Чуть трогал испачканными краской пальцами ее мягкие светлые волосы и возвращался к очередному недописанному холсту.

Мать, рядовая сотрудница районной библиотеки, всю жизнь тщетно пыталась свести концы с концами. Она то

Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни

ругала мужа, то умоляла его взяться за какую-нибудь подработку. Мол, многие художники находят халтуру. Чтобы платили деньги, можно было и через себя переступить. Отец упрямылся и пил, денег по-прежнему не было, Анна ходила в заштопанных колготках и кофточках, которые, сидя на работе, мать перевязывала из старых вещей. Девочка постоянно слышала вслед: «Эй, королева! Ты чего такая облезлая? А еще Анна Австрийская!»

Аня мысленно ругала их всех: отца, мать, родственников, учителей, которые тоже не могли сдержаться, вызывая ее отвечать не просто по фамилии, а именно так: «А сейчас к доске пойдет Анна Австрийская». И в классе тут же раздавался дружный смех.

Спеша скорее повзрослеть, она рано вышла замуж. Да что там — рано! Это был скандал на всю школу, когда Аня забеременела в шестнадцать лет от своего же одноклассника, и родители поспешно и без лишнего шума их расписали.

От Вани Панкова все девочки в школе были без ума. Этому мальчику никакая девочка не могла отказать. И Аня не стала исключением. То, что Ваня снизошел до нее, оказалось настоящим подарком. Как мог *такой* парень полюбить *такую* девушку? О! Разницу между собой и Ваней Панковым Аня с самого начала усвоила четко. И долго гадала — за что же ей выпало такое счастье?

Может быть, все дело в ее необыкновенных глазах: светло-серых, с золотистой каймой вокруг зрачка, от чего создавалось впечатление, будто в этих глазах постоянно горят яркие ночные звезды. И еще Аня была высокого роста, худенькая, легкая, стройная. В шестнадцать лет она вся будто бы светилась изнутри, и к ней тянулись, как к солнечному лучу, возле которого и в самый пасмурный день можно согреться. Кончилось бурное увлечение необыкновенными глазами тем, что Ваня потерял всякую осторожность и не успел опомниться, как получил свидетельство о браке раньше, чем школьный аттестат.

За три дня до свадьбы случился грандиозный скандал. Отец Анны в категоричной форме заявил, что и после бра-

косочетания его дочь оставит свою девичью фамилию. Ох уж эта фамилия! Родня жениха поначалу обиделась всерьез, сам Ваня кричал, что не позволит унижать свое мужское достоинство, Аня рыдала всю ночь напролет и подумала уже, что останется вообще без мужа.

Но шумных Австрийских было гораздо больше, немногочисленные тихие Панковы сдались накануне свадьбы, и Анне от ненавистной фамилии избавиться так и не удалось. «Ничего, ничего, — думала она, ставя «королевскую» подпись в толстой регистрационной книге. — Не всегда отец будет мною командовать, когда-нибудь я вырасту...» Анне ко дню бракосочетания едва-едва исполнилось семнадцать лет.

А через шесть месяцев, знойным летом, в семье появился еще один Александр Австрийский. Узнав, что и сын не будет носить его фамилию, Ваня Панков только вздохнул и пошел готовиться к экзаменам в институт: один ребенок от армии не освобождал.

Сквозь болезненную дремоту Анна почувствовала в палате какое-то движение.

— Ой, молоденькая-то какая!

— Говорят, самоубийца она.

— Свят-свят-свят, Тамара Константиновна, грех-то какой себя кончать!

— Тише, Надежда Михайловна! Спит, похоже...

Раздался скрип панцирных сеток, негромкое позвякивание чайной ложечки в стакане, шелест конфетных бумажек. Анна не выдержала и открыла глаза. Они сидели на кроватях, два божьих одуванчика, Тамара Константиновна и Надежда Михайловна. Одна совсем седенькая, сухонькая, другая полная, с густыми курчавыми волосами. Обе поглядывали на молодую женщину исподтишка, посасывая дешевые карамельки, пахло свежесваренным чаем и ливерной колбасой. Анну вдруг затошнило, она застонала и повернулась на бок. Бабульки засуетились:

Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни

— Милая, тебе, может, надо чего? Так мы докторшу позовем.

— Нет, — выдохнула Анна.

— Да ты водички попей, детка, водички, — седенькая старушка сунула почти к самому ее рту стакан с чаем.

— Плохо. Не могу, — прохрипела она.

— Ну, лежи. А может, докторшу позвать?

Она отрицательно качнула головой и опять провалилась в темноту.

На следующий день в палату пришла женщина в белом халате, бабульки сразу признали в ней чужую и бочком, бочком выползли в коридор. Женщина была моложавой, ухоженной, на аккуратно подстриженных ногтях матово светился свежий лак. Анна поморщилась.

«Ногти у нее в порядке! Подумаешь! А мои нет! И чего она сюда пришла?»

Женщина достала какие-то бумаги, заглянула в них, потом улыбнулась Анне:

— Ну, здравствуй, Аня. Я врач-психиатр, зовут меня Елена Михайловна. Как чувствуешь себя?

— Никак. — Анна снова отвернулась к стене.

— Ну что ты как маленькая! Я тебя кусать-то не собираюсь.

— Не беспокойтесь о моем здоровье.

— О здоровье твоём другие уже побеспокоились, жить будешь. А я по твою душу.

— Не хочу я жить. И не буду, — упрямо пробубнила в стену Анна.

— Вот и расскажи, кто тебя обидел, чем обидел, а мы вместе посмотрим, хочешь ты жить или нет. Если убедишь меня, что тебе так уж плохо, сама окно открою.

Она резко развернулась лицом к Елене Михайловне:

— Вы врете!

— Нет, просто знаю, что никуда ты не прыгнешь, просто поймешь, что нет таких неприятностей, из-за которых стоит расставаться с жизнью.

— Неправда! Вы ничего не знаете!

— Так расскажи. Кто тебя бросил? Любимый, жених?

— Откуда вы знаете, что бросил?

— Так ведь это только ты думаешь, что одна такая, а я насмотрелась, поверь. Ну что еще в столь юном возрасте дороже любви, девочка моя? И меня бросали, и многим, кто через мое отделение проходит, из-за этого жизнь не мила. Так кто там у тебя?

— Муж.

— Му-уж?! Ну, это серьезно. А я подумала было, что ты совсем еще девочка! Такая молоденькая, двадцати не дашь!

— Мне уже двадцать пять.

Елена Михайловна рассмеялась:

— Конечно, уже. А мне сорок пять, только еще. Значит, муж тебя бросил? Да нас, женщин, столько обманывают и бросают, что, если мы все травиться будем, некому станет рожать. Другого найдешь, какие твои годы! Поправишься, походишь по больнице, на дворе весна, глядишь — отсюда уже под ручку тебя какой-нибудь кавалер уведет. У нас тут мужики есть о-го-го какие, не гляди, что в больничных пижамах! Мы их починим, подштопаем, витаминчиками поправим и — хоть от порога прямо в загс, сама тебя сосватаю. Твой узнает — галопом прибежит, ты у нас молодая, красивая, стройная. Да была б у меня твоя фигурка, я бы всех этих мужиков бог знает до чего довела!

— Меня с работы уволили.

— Ну, это вообще пустяки. Была бы шея, хомут всегда найдется. Нашла о чем горевать! Работа! Завтра еще лучше найдешь, в Москве живешь, здесь каждый день столько новых фирм открывается! У тебя образование-то есть?

— Да, пединститут.

— Еще и высшее! По какой же работе ты так убиваешься?

— Вы не понимаете. Это для меня было все...

Семейная жизнь Анны стала разваливаться с самого начала на неравные части. Маленький кусочек счастья, а следом большая неприятность. Кусочки счастья становились

Королевы умирают стоя, или Комната с видом на огни